

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПОТОМКОВ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ПРИГРАНИЧНОМ КИТАЕ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ

С. В. Гордеева

Амурский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2014 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию языковой компетенции представителей второго поколения потомков русских эмигрантов, переселившихся на приграничные территории Китая в 20–40-е гг. XX в. Материал для анализа – записи речи, сделанные в 2011, 2012 гг. в приграничных селах провинции Хэйлунцзян КНР.

Ключевые слова: восточная ветвь русской эмиграции, язык русского зарубежья, языковая компетенция, типы языкового существования.

Abstract: the article is devoted to researching of the language competence of representatives of the second generation descendants of Russian emigrants who migrated to the Chinese border areas in the 1920–1940 ies. The material for analysis is the speech recording made in the border villages of Heilongjiang province in 2011, 2012.

Key words: eastern branch of the Russian emigration, Russian language abroad, language competence, types of linguistic existence.

Тема изучения языка русской эмиграции поднималась в науке довольно часто, однако существует ряд аспектов, не затронутых в научных исследованиях. Один из таких аспектов – изучение русского языка эмигрантов приграничного Китая, а также языка их потомков.

Вынужденные переселенцы из России появились в приграничных районах Китая в первой трети XX в. С момента переселения прошло немало лет, но и в настоящее время в китайском приграничье остаются следы славянского присутствия. Упоминания об этом встречаются в СМИ и материалах научных исследований, в частности работах Е. А. Оглезневой [1; 2].

В ходе экспедиций 2011–2012 гг. нами была изучена языковая компетенция представителей разных поколений потомков эмигрантов, проживающих в приграничных селах провинции Хэйлунцзян: Бяньцзян, Вэйдун, Чэлу, Шандаогань, Хунцзян, Хадаян [3; 4]. Ранее в фокусе нашего внимания находилась русская речь, главным образом, представителей первого поколения потомков [5; 6]. Однако важно рассмотреть и языковую компетенцию последующих поколений.

В настоящем исследовании предпринята попытка описать основные типы речевого поведения и проследить, сохранился ли русский язык во втором поколении потомков русских эмигрантов.

В процессе анализа речевых материалов, полученных в результате бесед с 16 представителями

второго поколения, потомками от смешанных браков, выделены три типа языкового существования.

I тип. *Китайский язык (основной) / реликты «русского исконного» (в пассивном употреблении). Русский язык как средство общения утрачен.* Под «русским исконным» мы понимаем язык русских эмигрантов, переселившихся на приграничные территории Китая в 1920–40-е гг., несомненно, отличающийся от современного русского литературного языка.

К первому типу принадлежат большинство опрошенных нами информантов – 11. Основной язык для них – китайский. По их словам, в детстве они знали и использовали русский язык в бытовом общении. В настоящее же время русский язык предков почти полностью утрачен. Наблюдается лишь знание отдельных слов и фраз, воспринятых от русских бабушек и матерей и представленных в данный момент в интерферированном виде [7]. «Владение» русским языком неодинаково, что проявляется главным образом в объеме словарного запаса. С точки зрения качественных характеристик «русского языка» представителей первого типа можно отметить, что русские слова произносятся ими в соответствии с фонетическим стандартом китайского языка и используются как заимствования, утратив и первоначальный звуковой облик, и грамматические категории. В некоторых случаях слова приобретают дополнительные элементы, например *паскацзе*, – Пасха («цзе» – 节[jié] – праздник). Единственное, что осталось неизменным, – это их лексическое значение. Наиболее часто нам встречались слова *ведро*, *банка*, *ягода*, *машин(ка)*, *талеба*,

леба (хлеб), платье, чушка, пасце, паскаце (Пасха), суп-тан (суп, борщ), словоформы *пойдём, здравствуйте, хорошо*. Примечательно, что эти слова известны не только потомкам русских переселенцев, но и другим жителям сел, как правило, китайцам старшего поколения.

II тип. *Китайский (основной) / «русский приобретенный»*.

Ко второму типу мы относим тех, кто специально изучал русский язык и использует его в профессиональной деятельности. Из 16 информантов к данному типу относятся 4. Одна из них – Феня [4, с. 108–111]. Женщина родилась в с. Бяньцзян в 1969 г., изучала русский язык в китайской школе, умеет читать и писать по-русски. Работает переводчиком в строительной фирме г. Благовещенска. Русский язык использует преимущественно на работе. Дома и в среде соотечественников говорит по-китайски.

Феня не помнит русскую речь, звучавшую когда-то в селе, в ее речи отсутствуют диалектные особенности, свойственные языку русских переселенцев в приграничный Китай. Хотя в памяти женщины всё же живы отдельные картины детства, о которых она рассказывает по-русски: *Я помню / многие бабушки все с платьями как русский //; Много так / бабушка // (...) када ваш бразднык / русский бразднык / они все собираю в это / ну где-то / ну кушать / танцуют и плачут / потому что они скучают по это / родине да //; Ну я помню / да конечно / есть хотят вернуться / но вы хорошо знаете / тогда уже не получится // Но я помню / да родители сказали / раньше тоже есть одна ну бабушка / ну своих детей два / убежали в Россию // Тогда лед были да //* [4, с. 110].

В речи информантки наблюдаются отклонения от норм русского литературного языка: ярко выраженный акцент, проявляющийся в нарушении фонетической нормы, грамматические и речевые ошибки. Причинами отклонений являются, на наш взгляд, недостаточно высокий общий уровень владения русским языком и, как следствие, интерференция под влиянием китайского языка.

В русской речи женщины присутствуют примеры аллегорического произношения, свойственные русской разговорной речи: *када, щас, токо, чу-чуть*. В беглой речи наблюдается нечеткость артикуляции. Основную часть лексического запаса составляет нейтральная и разговорная лексика. Особенность речи – употребление «слов-паразитов» таких, как: *э-э, ну, это, этот, так*.

Перед нами пример русско-китайского двуязычия с доминантой китайского языка. Русский приобретенный язык имеет разговорные особенности, а также, испытывая влияние китайского языка, демонстрирует примеры межъязыковой интерференции. В большей степени влиянию китайского языка подвер-

жена фонетическая система, что отчетливо прослеживается в наличии акцента в речи. Также присутствуют многочисленные отклонения от грамматических норм русского языка. Наименьшее влияние китайского языка заметно на уровне лексики: словарный запас информанта довольно обширен, вкрапления из китайского языка присутствуют лишь в виде топонимических названий и проявляются фонетически.

III тип. *Китайский язык (основной) / русско-китайский пиджин (вторичная система)* [8; 9].

Единственный встретившийся нам представитель данного типа – Фан Сочжу (Миша), с. Бяньцзян [3, с. 42, 62–70]. Родился в 1956 г. Два года работал поваром на стройке в России, но по-русски говорить не научился, окружение было, главным образом, китайское.

Среди русских слов, знакомых информанту: *лыба* (рыба), *сетки*^м (сетки), *надо, съмогон, лубли* (рубли), *длуга* (друг), *капитан, куша(ть), лабота* (работа), *нетула* (нет), *кугуруза* (кукуруза), *идизюда* (иди сюда) [3, с. 62–70]. При этом произношение особое, «китайско-русское». Некоторые звуки русского языка заменяются близкими по звучанию звуками китайской фонетической системы. Происходит адаптация к китайскому некоторых русских сочетаний звуков, нередко наблюдается замена глухих звуков звонкими, что происходит из-за их неразличения, так как в китайском языке отсутствует противопоставление по глухости/звонкости.

Тяготение к открытости слога в китайском языке приводит к вокализации «русской» речи информанта. Произношение приобретает тональность. Частотны вкрапления из китайского языка. Словарный запас крайне ограничен. Также наблюдаются отсутствие словоизменения, построение предложений по синтаксическим моделям китайского языка.

На наш взгляд, «русская» речь Миши может быть идентифицирована как русско-китайский пиджин – контактный язык, распространенный главным образом среди китайцев на приграничных с Россией территориях. Вот несколько ее образцов: *Моя хорошо / я сулень // Моя мейнанцзы / русский мейнанцзы //* (Я хороший, я русский. Я красавец, русский красавец) [3, с. 70]; *Володя русский / ганьбэй хорошо //* (Володя русский, любит выпить) [3, с. 64]. *А / лыба / туй // Тадэ майдэ Китай //* (Да, рыба, точно. Большую рыбу в Китае продавали) [3, с. 63]. *Тамэн бу хы³ // Бу хы³ самогон //* (Они не пьют, не пьют самогон) [3, с. 69].

Представленные типы языкового существования демонстрируют степень сохранности и возможные сценарии жизни русского языка, длительное время находящегося в условиях языкового контакта.

Первый тип характеризует качество и степень сохранности языка русских переселенцев 1920–1940-х гг.

Мы наблюдаем общую тенденцию утраты русского языка. Под воздействием экстралингвистических и собственно лингвистических факторов русский язык постепенно растворяется в китайской языковой системе. Два других типа открывают возможный путь возрождения русского языка у некоторой группы потомков эмигрантов вследствие особых обстоятельств (целенаправленного изучения; поиска элементарного средства коммуникации в ситуациях неофициального общения с русскими).

Таким образом, изучение русской составляющей языковой компетенции потомков русских эмигрантов в приграничный Китай во втором поколении даже на современном этапе позволяет проследить путь существования, способы трансформации и особенности адаптации русского языка в условиях иноязычной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оглезнева Е. А.* Лингвоперсоналогический аспект межъязыкового взаимодействия в дальневосточном регионе / Е. А. Оглезнева // Проблемы региональной лингвистики : материалы Междунар. науч. конф. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2010. – С. 87–90.

2. *Оглезнева Е. А.* Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России : историко-лингвистический очерк / Е. А. Оглезнева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2010. –

Вып. 8 (спец.), Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе. – С. 6–25.

3. Русские деревни Китая : материалы экспедиций по приграничным селам пр. Хэйлуцзян КНР : фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. – Благовещенск, 2011.

4. Русские деревни Китая : материалы экспедиций по приграничным селам пр. Хэйлуцзян КНР : фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ. – Благовещенск, 2012.

5. *Гордеева С. В.* К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаеязычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) / С. В. Гордеева // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 363. – С. 16–19.

6. *Гордеева С. В.* Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай (на материале русской речи Цю Цзинью, с. Бяньцзян, пр. Хэйлуцзян, КНР) / С. В. Гордеева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск Амур. гос. ун-т, 2013. – Вып. 10. – С. 82–94.

7. *Виноградов В. А.* Интерференция / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 197.

8. *Виноградов В. А.* Пиджины / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 374.

9. *Оглезнева Е. А.* Русско-китайский пиджин : опыт социолингвистического анализа / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2007.

Амурский государственный университет

Гордеева С. В., аспирант кафедры русской филологии

E-mail: swetl.gordeewa2010@yandex.ru

Тел.: 8 (962) 294-68-32

Amur State University

Gordeeva S.V., Post-graduate Student of the Russian Language Department

E-mail: swetl.gordeewa2010@yandex.ru

Tel.: 8 (962) 294-68-32